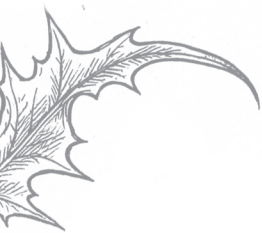

**ТАТЬЯНА
ГАРМАШ-РОФФЕ**

УЙТИ
НЕЛЬЗЯ
ОСТАТЬСЯ

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г20

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Я. Клыга*

Гармаш-Роффе, Татьяна Владимировна.
Г20 Уйти нельзя остаться : [роман] / Татьяна
Гармаш-Роффе. — Москва : Эксмо, 2026. —
352 с.

ISBN 978-5-04-227711-5

Она не была в России 23 года! Пытаясь примирить себя с родиной, «американка» Лера решает разыскать школьных друзей. Однако тут начинается самое странное. Выясняется, что несколько из них скоропостижно скончались — причем в том порядке, в котором сидели за партами! Лера пытается самостоятельно во всем разобраться, не отдавая себе отчета, что попадает под прицел убийцы. К счастью, ее друг детства Алексей Кисанов стал теперь частным детективом и готов взяться за расследование...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-227711-5

© Гармаш-Роффе Т.В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Кружит ночь из семейства
вороньих.
Расстояния свищут в кулак.
Для отечества нет посторонних,
Нет, и все тут (...)

С. Гандлевский

ЧАСТЬ 1

ДОЛГИЙ ПУТЬ В МОСКВУ

...В сексе люди как в смерти: с чем на свет пришли, с тем и остались в решающий час. Стерлась с тела одежда, и была ли она от «Армани» или из китайской лавчонки — уже не вспомнить. Теперь важно только качество твоей кожи — неотъемлемой оболочки тела, которую ни за какие деньги не закажешь у лучшего кутюрье... Теперь не твои духи важны, а аромат твоего дыхания. И как пахнет твой пот, а не дезодорант. Вот это — подлинно. Ни один парфюмер в мире не подменит эти запахи.

И нечем тебе прикрыть свои недостатки и комплексы — ни модными часами, ни дорогой машиной... Сейчас ты равен себе, как в момент своего рождения, и тебе предстоит в этот миг заново начинать свою карьеру, если под ней понимать доказательство своей значительности. И здесь все зависит от всего, что есть ТЫ, а не...

Ох, как это нынче говорят в России?

...А не *прибамбасы* на тебе — вот как.

Об этом размышляла Лера, сидя в кресле и поглядывая на Данилу. Он спал на животе, простыня была почти отброшена, только прикрывала наполовину одну ягодицу да обвивала правую ногу. Тело его отливало ровным, золотым средиземноморским заггаром, кроме тех мест, которые солнце не доставало под плавками. Светло-каштановые волосы вились на шее, и это было очень красиво, а лицо во сне казалось немного детским, несмотря на маленькую пижонскую бородку...

Лере исполнился сорок один год, но ее жизненный опыт до сих пор сводился к одной любви и к одному мужчине. Возможно, потому она теперь столь отчетливо и ново воспринимала то, что происходит с мужчиной и женщиной, когда их вдруг забрасывает друг другу в объятия. Ей хотелось это осмыслить, чем она и занималась, поглядывая на спящего Данилу.

Перед поездкой в Европу усердно наставляли Леру, основываясь на своем горьком опыте. Данила в соответствии с их рассказами был прямым кандидатом на роль курортного соблазнителя: красив, строен, любезен, хороший собеседник, в общении с которым возникает пьянящее чувство полного взаимопонимания... В общем, спасайся кто может!

Но теперь она не сомневалась: он подлинный. Он казался тем, чем был, и был тем, чем казался. Об этом ей поведало каждое его прикосновение, каждый взгляд и каждый вздох...

Ей было очень хорошо оттого, что он находился рядом. И что в любой момент можно скользнуть под простыню и, обняв его, уснуть. А может, и не

уснуть... Жалко терять мгновения такого блаженства, просто жалко. Ведь через два дня им расставаться...

Лера накинула халатик и вышла на балкон. Едва различимое в темноте, тихо посапывало во сне море. Отель еще спал, еще не началась предутренняя возня в ресторане, и садовники еще не вооружились шлангами для поливки пальм. Она постояла некоторое время, давая убаюкать себя теплой ночи, затем вернулась в комнату и скользнула под простыню.

Данила протянул руку. «Лерка... Сладкая моя...» Погладил ее и тут же снова уснул. Неудивительно — они полночи занимались любовью...

Некоторое время Лера еще размышляла, глядя, как колышутся в комнате ночные тени, — так, ни о чем. Скорее просто прислушивалась к удивительному блаженству, плескавшемуся нежной волной внутри ее.

Продолжения этому не будет, а жаль, жаль... Если б они жили в одной стране и в одном городе, то могли бы встречаться время от времени. Это было бы чудесно...

Кажется, такие отношения называются «эротической дружбой»? Во всяком случае, так называл это Кундера... Да только без разницы, как это называется, все равно они не живут ни в одной стране, ни в одном городе — они живут на разных континентах. Кон-ти-нен-тах!

Данила во сне повернулся к ней спиной, она обняла его, и тут же его тело подалось к ней, поудобнее устраиваясь в ложбинке ее тела, и она, уютно засыпая, успела подумать: «Нет ничего честнее этого жеста. И неважно, как это называется...»

* * *

...Лера увидела его не сразу, только на второй день своего пребывания в клуб-отеле. Там — вот сюрприз! — оказалось неожиданно много русских. Хотя Лера и знала, что россияне уже освоили Средиземноморье, но никак не предполагала, что столь массово. Впрочем, сюда она за этим и приехала: посмотреть на них, бывших соотечественников. После двадцатитрехлетнего затворничества в США она к ним приближалась медленно и осторожно. И даже с некоторым страхом, пожалуй.

Именно по этой причине она не решилась поехать сразу в Россию. Предприняв путешествие по Европе, о котором давно мечтала, она запланировала закончить его отдыхом в Тунисе. В отдыхе она нуждалась, да, после всего того, что пришлось ей вынести за последние два года... Но больше всего ей хотелось посмотреть на своих сограждан. Издалека посмотреть, тайком, — *подсмотреть!* — прежде чем она решится поехать в Россию... Куда она съездить мечтала и боялась.

...О своей затее она пожалела в первое же утро. «Эй, мужчина!» — услышала она нетрезвую русскую речь, обращенную к официанту в баре. Молодой тунисец стоял спиной, готовя для кого-то кофе, — отель «все включено», напитки бесплатно и круглосуточно.

Лера посмотрела на говорящего. Он был изрядно пьян, хотя завтрак едва закончился, на часах одиннадцать. Ей стало так стыдно за бывшего соотечественника, что она отошла в сторонку, дождалась его ухода, а затем по-английски заказала чашку кофе —

не желала иметь ничего общего с этим позорищем позорным, даже общий русский язык! Впрочем, персонал отеля все равно по-русски не говорил.

К ее большому огорчению, пьяный мужик оказался в отеле не один. На пляже обнаружилась компания человек из семи, и до Леры доносились их разговоры.

— Слышь, — говорила низкорослая женщина с круглым лицом, опухшим от алкоголя. — Как это в песне: «Речка движется и не движется...» У нее глюки, что ль?

— Не-е-ет, — отвечал ей толстый мужчина с мягким складчатым брюшком, — это у него! Он беленькой перебрал! Или нет, он обкурился!

Грохнул смех.

— А это вот помнишь? «Смотрит искоса, низко голову наклоня»? Ты пробовал так? Пробовал? Нет? Ну попробуй! — Компания дружно принялась изображать указанное действие, давась от хохота. — Ха-ха-ха! Наверно, это даун был!

— А давайте на байдарке! — внес кто-то предложение. — Надо ж как-то развлекаться!

— Не, лучше на катамаране! — ответила блиннолицая.

— А чо на байдарке не хочешь?

— Так там надо работать! Грести! А на катамаране сядем там себе, а инструктор ведет!

Лера сдернула с топчана свое полотенце и перебралась на дальний конец пляжа, где снова улеглась, подставив тело солнцу, и закрыла глаза, стараясь не поддаваться чувству брезгливости и острого сожаления о своем приезде в этот отель. Но это ее не спасло.

— А где эти? — раздалось у нее над головой.

— Лица моют!

«Раньше говорили «умываются», — удивилась Лера. — Моют — руки, а лицо — умывают. Неужели русский язык так сильно изменился за это время? Ну, всякие новые слова — это хоть как-то понятно. Но отчего изменились старые?» Лера приоткрыла глаза. Мимо нее шли разболтанной походкой двое, мужчина и женщина, опухшими лицами и плотными коренастыми телами похожие на предыдущих.

— А чего это они? — заинтересовался мужчина.

— Ну, я им в номер позвонила, они спали, а теперь моют лица.

— Они чего, после обеда присели?

— Все после обеда присели! Ты как думал! Теперь вот кока-колу пьем, водичкой запиваем... А то ж до вечера надо дотянуть.

«Присели» — значит выпили», — догадалась Лера, и ей очень захотелось уехать отсюда. Но две недели были оплачены вперед, и позволить себе роскошь выбросить деньги на ветер она не могла. Она лишь твердо решила сделать вид, что никакого отношения к «этим русским» не имеет. В отеле знали, что она приехала из США, к ней обращались по-английски, — оставалось только сделать вид, что русской речи она вовсе не разумеет.

Не реагировать. Игнорировать.

Она перевернулась на живот и стала смотреть, как на волейбольной площадке играют под палящим солнцем какие-то сумасшедшие. Правда, они уже прилично загорели, и вряд ли им грозит ожог, но все же... Голоса до нее долетали смутно, она не могла разобрать слов и определить, к какой национальности принадлежали люди, но они были трезвыми, что уже радовало. Несколько силуэтов радовали глаз, ничего

общего с низкорослыми, генетически мутировавшими алкоголиками, и Лера сочла, что это добрый знак. Она не позволит испортить себе отпуск!

Вечером на танцплощадке «мутантов» не было, к ее большому облегчению. Наверное, снова пили водку в каком-то из баров. Или уже напились и спят. Тем лучше!

Она присела за один из столиков, взяв коктейль. В центре площадки весело отплясывали три молодые женщины, позвякивая браслетами, — кажется, итальянки. Юбочки их поздно начинались и рано заканчивались, равно как верхние узкие полосочки ткани, весьма условно прикрывающие грудь. Но после того как Лера увидела утром на пляже дам всех возрастов вообще без лифчиков, она уже ничему не удивлялась. «Европа! Не то что пуританская Америка... Хотя мы ведь почти на пляже, а в курортных городах даже в Америке... Ну, только разве топлес там не принят...

Тьфу ты, вот привязалось ко мне — сравнивать с Америкой! Для чего я здесь? Чтобы отдохнуть! И чтобы посмотреть на других. В том числе и на русских, да. Ну, не понравились они тебе — и никогда не нравились пьяницы, — но ничего страшного в этом нет! Отдыхай, Лера! Иди танцуй!»

Она скинула с себя легкий жакетик, прикрывавший плечи, и осталась в тонком платье брусничного цвета на бретельках. Ринувшись в центр танцплощадки, как в морскую волну, она подхватила телом ритм и через минуту уже забыла обо всем. Она так давно не танцевала и так была счастлива ощутить музыку в себе... За последние годы, оказывается, она даже забыла, что отлично танцует, и сейчас не только ее

тело, сплавившееся с музыкой, напомнило ей об этом, но и восхищенные взгляды публики.

И даже нагрянувшие под конец «эти русские», потребовавшие от музыкантов, уже зачехлявших инструменты, сыграть «Катюшу» и принявшие выбрасывать руки и ноги в стороны не в такт музыке, — даже они не испортили ей настроения. Здесь были пальмы, море, музыка, и гадкие пьянчужки не стоили того, чтобы обращать на них внимание. Вот так-то!

Разгоряченная танцем и восхищенными взглядами, она потом посидела еще немножко на террасе, вдыхая свежий воздух, настоящий на розах и водорослях, затем поднялась к себе в номер, где благополучно заснула крепким, здоровым сном.

А наутро снова сверкало море, благодарно возвращая солнцу его блеск, небо соперничало голубизной с водой, пальмы взрезали изнеженный воздух острыми жесткими листьями... Поглядев на это диво с балкона, Лера быстро собрала пляжную сумку и помчалась вниз. И даже приснившаяся плоская, как блин, пьяная рожа бабенки, требовавшей от музыкантов «Катюшу», и ее тряпичные руки и ноги, которые словно кто-то дергал за веревочки, — даже этот короткий ночной кошмар не поколебал ее решимости отдохнуть на все сто.

«На всю катушку», как говорят в России.

...Данилу она разглядела, когда шла мимо волейбольной площадки. Впрочем, тогда она еще не знала его имени. Она просто обратила внимание на хорошо сложенного, загорелого мужчину лет тридцати пяти. Хотя, возможно, его взрослила небольшая борода... Он тоже мельком глянул на Леру, и ее поразила

мягкость выражения его глаз. Это было необычно. Стройная фигура и весьма интересное лицо располагали совсем к другому взгляду — мужчины, как и женщины, наделенные природой привлекательной внешностью, обычно смотрят на других, с тем чтобы собрать лавры признания своей неотразимости. Этот же человек смотрел, словно и в самом деле интересовался другими людьми, — а не сбором впечатлений от своей персоны.

Разумеется, все это Лера просто ощутила, а не словами себе рассказала, — но необычное сочетание ей запомнилось, и два последующих дня она невольно выглядывала его в ресторане или на пляже — просто так. Заводить с ним знакомство она абсолютно не намеревалась — просто так, просто так, ну, сказала же, *просто так!!!*

К тому же он говорил по-русски, она — по-английски и выдавать свою национальную принадлежность ничуть не собиралась...

И все же они заговорили. На третий день, когда после обеда, в самую жару, она уединилась с книжкой в тени парка, на деревянной скамейке уже опустевшего кафе. Внезапно что-то заставило ее поднять голову. Он стоял недалеко от столика и смотрел на нее.

Лера опустила книгу. Сердце ее чокнулось с ребрами.

— Никогда бы не подумал, что вы русская, — произнес он по-английски.

Лера растерялась. Затем посмотрела на свою книгу. Это был русский роман — Лера старалась жить

в ногу с Россией и заказывала книги через интернет. Они далеко не всегда ей нравились, точнее, совсем редко нравились, но в них, даже в самых плохоньких, отражались новый русский менталитет и новая русская действительность, в которые Лера пристально вглядывалась, часто с недоумением.

— Я вас давно заметил. Вы говорите по-английски, и мне в голову не пришло, что вы можете оказаться русской... Не беспокойтесь, если это секрет, то я его не выдам!

Лера смутилась. Ей не хотелось, чтобы он подумал, что она просто дура, страдающая тяжелым приступом снобизма.

— Не то чтобы секрет... Просто я давно живу в Америке... Много лет не была в России. И сейчас, если честно, мне тяжело видеть, как...

Его понимающий взгляд располагал, и она пустилась объяснять: о пьяных мордах, о своем стыде.

— Может, это род патриотизма, не знаю, но ведь они представляют за границей Россию! Такое поведение совершенно безответственно, ведь оно порочит не только данных конкретных людей, но и всю страну! — Лера покраснела при мысли, что ее пафос вряд ли будет понятен незнакомцу.

— Данила, — произнес он. — Меня зовут Данила. А вас как?

— Вэлери... Валерия, если по-русски. Можно Лера.

— Так вот, Лера, я разделяю ваши чувства. Мне тоже стыдно, когда я вижу этих людей. И глаза иностранцев, на них устремленные. Согласен с вами: иностранцы судят по ним обо всех русских. Точно так же мы, увидев тупого жирного американца, су-

дим обо всей нации. Совершенно несправедливо, но таков человеческий механизм восприятия чужестранцев. Довольно глупый, на мой взгляд. Но вам не стоит брать на свои плечи такой непомерный груз, как ответственность за всю нацию. Иначе он вас раздавит... А как вам тут, нравится?

Его английский был очень хорош, надо признать. Как и он сам, надо признать...

Она плохо помнила, что было дальше. Они о чем-то говорили, причем долго, до самого ужина. О чем? Об Америке и России; о политике и политкорректности; о ценах на нефть и демократии; о семьях и детях...

Так она узнала, что Данила недавно пережил тяжелый, склочный развод. Так она рассказала, как почти два года дежурила у постели умирающего мужа.

Потом стало ясно, что и он, и она находятся на стадии выхода из тяжелого душевного кризиса. Приведшего к нервному истощению, что ударило по чувствам, вызвав в некотором роде душевную инвалидность, от которой хочется, конечно, оправиться, да, но не путем новых душевных затрат, нет... В силу чего ни он, ни она не готовы к новым эмоциям и переживаниям.

Проще говоря, оба дали понять, что роман друг с другом заводить не собираются. Только пообщаться, тем более что общение обещает быть весьма приятным!

Все честно, откровенно, все карты на стол.

Потом, вечером, Данила пришел на танцплощадку — из-за нее. Обычно он избегает такого рода развлечений, не умея танцевать, — так сказал он.

Лере было приятно это услышать. Значит, он сказал правду, и здесь он не в поисках легких побед, иначе бы танцплощадку не упустил!

Она вызвалась его поучить, и они весь вечер дурачились, наступая друг другу на ноги и толкая, в пылу освоения танцевальной премудрости, окружающих. И по взглядам, сопровождавшим каждое их движение, Лера поняла, что они отлично смотрятся вместе.

После танцев они еще полночи просидели на террасе, потягивая коктейли, и, расставаясь, чувствовали, что это почему-то трудно...

Следующий день был отмечен необыкновенной спортивной активностью. Лера никогда не увлекалась экстремальными видами спорта, но с Данилой она согласилась и на парашюте полетать, и на водном скутере покататься. Переполненная новыми ощущениями, среди которых было — пожалуй, главное! — удивительное доверие к этому едва знакомому мужчине (уж раз она с ним на парашюте отважилась!), Лера легко согласилась пойти поужинать с ним в город.

Свечи, экзотическая кухня, полумрак — и эти серые глаза с мягким выражением всепонимания. «Такие глаза бывают у святых, наверное», — подумала она с некоторым сожалением. Она, конечно, никаких видов на него не имела, но все же, все же... Святые не совсем в ее вкусе...

Однако недолго ей пришлось сожалеть. Вечер плавно перетек в ночь. Мартини на террасе гостиничного бара, снова разговоры, и уже рука в руке. А потом само по себе стало ясно, что было бы огромной глупостью, лицемерием и ханжеством разойтись сейчас по своим номерам.

«Как это по-русски называется... *Курортный роман*, кажется? — думала она, стоя под душем. — Да какая разница! — решила она, закручивая краны. — Пусть никак не называется. Этому названия вообще нет...»

Додумать сию глубокую мысль ей не удалось, потому что дверь в ванную распахнулась и Данила, отбросив в сторону полотенце, которое она едва успела взять в руки, схватил ее, мокрую, на руки и потащил на широченную кровать.

— Я не могу ждать, — говорил он, целуя ее куда попало, — не могу, Лерка, иди ко мне, иди, это какое-то безумие, я так хочу тебя, у меня сейчас сердце выпрыгнет...

...Расставались они трудно. Он приехал сюда на неделю раньше ее, и его срок уже подошел к концу. Автобус должен был забирать отъезжающих из отеля туристов через полчаса. Они говорили о всякой ерунде, о важном не имело смысла говорить, это всего лишь слова, названия и определения чувств, а какой смысл определять чувства, у которых нет продолжения? Разные континенты — это вам не разные улицы... Даже смешно говорить о серьезных вещах, потому что все закончится прямо сейчас, через несколько минут, оставшихся до отъезда.

— Напиши мне, что ты решила с Москвой. Если приедешь, я тебя встречу.

— Обязательно. А ты напиши, как долетишь. Я отсюда, из интернет-кафе, твое письмо читаю.

— Обязательно...

Она ткнулась ему в шею, куда-то под мягкую бородку. Так бы там и жила.

За спиной громко фыркнул автобус. Отъезжающие курортники стали подтягивать чемоданы.

— Иди, — отстранилась она, отпуская его.

— У меня только сумка, с собой возьму. — Он притянул ее обратно. — Подыши мне еще в шею...

Они стояли в стороне от автобуса, у пальмы, но на виду, а где еще стоять? На них посматривали. Русская мутант-бригада тоже покидала отель и даже была, кажется, относительно трезвой. Освободившись от чемоданов, они принялись изучать парочку, под-
тalking друг друга локтями. Курортный роман не ускользнул от внимания обитателей отеля, да Лера с Данилой и не удосужились его скрывать.

— А американка-то небось с икрой уезжает! — хихикнула блинница.

— Вот хорошо, больше наших, русских, в их Америке будет!

Лера не очень поняла, что имелось в виду, да и не хотелось понимать. Данила только крепче прижал ее к себе, будто хотел укрыть своим телом от пошлых взглядов и слов.

— Забудь о них. Это выродки, — шепнул он. — На самом деле таких мало. Это исключение, а не правило, поверь мне. Приезжай в Москву, сама увидишь. Приезжай, Лерка... К Москве и ко мне.

— Я напишу, Данила, напишу тебе. Мы не расстаемся, то есть не совсем расстаемся.

— Да...

— У нас есть интернет...

— Да...

— И по телефону можем говорить...

— Да...

— Отпускай меня, сейчас ребра хрустнут...

— Да...

До них долетел голос сопровождающего, просившего отъезжающих пожаловать в автобус.

— Иди. — Она вывернулась из его рук, поцеловала в губы и подтолкнула. — Иди же!

Он сделал несколько шагов, обернулся.

— Я никогда не знал, что так бывает, Лера...

И она не знала. Какое-то острое, тонкое и стальное, насквозь прокололо ей сердце. Было очень больно, очень...

— Я напишу тебе... — повторила она. Других слов не нашлось.

Она стояла, пока автобус не скрылся из виду, а потом наступила пустота. И Лера совершенно не представляла, как в ней жить.

...Она была влюблена только один раз в жизни: в мужа. И потом много лет осваивала непростое искусство принимать другого таким, как он есть. Они оказались очень разные с мужем, но это и нормально! Даже в книжках пишут, что именно на разности любовь держится. Что с человеком, похожим на тебя по складу ума и характера, тебе просто будет скучно. Ведь так?

Парадокс был в том, что с Данилой они оказались схожи в чем-то очень важном. У них мысли о жизни были похожие, они угадывали их с полужелания. У них отношение к людям было похожее, и оттого каждый из них чувствовал другого, предугадывая еще не родившееся сомнение, ловя любую эмоцию еще на взлете.

— Я не очень понимаю классическую музыку, меня к ней не тянет, — говорил он.

— Она трагична по своей сути, она уводит за пределы жизни. Если любовь — так смертельная, если разговор — так с Богом, — говорила она.

— А вот джаз гармонизирует меня и мир, — говорил он.

— А джаз радостный, и в то же время он соединяет в себе многие важные вещи. В нем есть любовь и есть мысль, — говорила она.

— А вот всякие песенки я не особо слушаю. Слова у них обычно простые, как три копейки! — говорил он.

— Во-первых, не всегда, а во-вторых, под них танцевать можно! — возражала она.

Ну, надо же хоть в чем-то не совпадать!

— Я люблю детективы, а ты? Фантастикой увлекалась в детстве, теперь не тянет. А фэнтези совсем не понимаю: сказки для взрослых. Толкиен мне очень понравился в свое время, но Гарри Поттера не осилила, — говорила она.

— А я люблю и фантастику, и боевики, и детективы, — говорил он. — А из серьезной литературы... Я когда-то составил себе список из классиков — Шекспир, Бальзак, Хемингуэй и так далее, — которых необходимо прочитать. И всех прочитал, хотя заняло у меня это лет десять...

— У меня даже больше! Я не работала, была домашней хозяйкой — вот в свободное время и поглощала книги всех времен и народов!

— Знаешь, что я заметил? Что западные авторы только описывают то, что происходит с людьми, но редко объясняют почему. А наши любят анализировать, покопаться в причинах, дать объяснение...

— Надо же, ты тоже об этом подумал! Мне всегда не хватало у европейских и американских писателей объяснений. Я все время спрашиваю себя мысленно по мере чтения: «Почему?» — но не получаю ответа, — отвечала она.

— И еще наши любят мораль почитать!

— Ох, не говори! Особенно Толстой! Я его недолюбливаю поэтому, хотя, конечно, великий писатель...

Казалось бы, что ей с того, что у них совпало несколько мнений? Ерунда, пустяк! Наверное, за ними было что-то другое, более важное. Эти слова оказались просто электронным кодом, взломавшим естественную защиту ее души, и в открытую словами-хакерами дверь вошла другая душа. И как это соединение оказалось сладостно!

И как оно оказалось коварно. Разделение **сросшихся душ** стало подобно убиению.

«Посмотри в иллюминатор, — написала она из интернет-кафе, когда стрелки часов достигли времени его отлета, — видишь? Там моя душа летит рядом. Прицепилась к крылу твоего самолета и летит, летит. А я тут осталась одна — без тебя и без души».

Он позвонил на ее мобильный с бортового телефона, как только шасси коснулись московской земли.

— Лер, у меня такое чувство, что меня располовинили: одна половинка долетела, другая осталась там, с тобой, у тебя на хранении... Ты береги ее, ладно?

Через неделю и она вернулась домой, в Америку, и еще два месяца они переписывались и перезванивались. Интернет — виртуальное пространство, в ко-

тором сообщения с легкостью перемахивают через континенты, — казался Лере тем самолетом, который все летел и летел в пространстве, и ее душа все цеплялась за крыло, отчаянно заглядывая в овальное окошко иллюминатора, пытаясь разглядеть черты Данилы; он же, отправляя письмо, думал почему-то не об Америке, — он видел Леру так, словно она все еще стояла под пальмой, глядя вслед его автобусу. И выгоревшие пряди выбивались из хвостика на затылке, падая на глаза, а она их не заправляла, потому что они скрывали слезы...

...Что это — любовь? Влюбленность? Увлечение? Какие еще слова есть, чтобы назвать то, что с ней происходило?

Двадцать четыре года назад было все просто и ясно: словом «любовь» обозначались всяко-разные бурные чувства, в пьянящем букете которых был и такой неброский цветочек, как прицел на замужество. А как же иначе? В том возрасте ищут себе пару для того, чтобы создать семью. Выйти замуж, родить детей... Все дивные свидания, все биения сердца — все это было прелюдией к ней, семье! Она была целью и структурировала чувства, направляла все последующие шаги.

А теперь Лера растерялась. Детей ей уже не надо, замуж тоже. После долгого, очень долгого брака она свое неожиданное и непрощеное одиночество ощутила как свободу — и наслаждалась ею... Отчего влюбленность в Данилу поставила ее в тупик: ей хотелось его видеть, с ним быть, с ним проводить ночи, слушать его дыхание, да... Но жить с ним, заводить семью — нет. Для совместной жизни нужно